

III

Гетеротопия «детства не здесь». К лингвистической характеристике локального сообщества жителей польско-белорусско-литовского языкового пограничья в конце XIX в. (на материале мемуаров В. Л. Скорвида)

Сергей Скорвид

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Ценным источником для воссоздания картины жизни в широком смысле и, в частности, языковой ситуации на восточных окраинах («кресах») давней Речи Посполитой и западной периферии не столь еще давней Российской империи могут служить семейные архивы выходцев из этих мест. В этом ряду представляют определенный интерес мемуары моего деда Витольда (Людвиковича) Скорвида (1883–1956), писанные им в 70-летнем возрасте и повествующие о его детских и юношеских годах (до 1903 г.). Это время он, сын служащего Петербурго-Варшавской железной дороги, провел в различных населенных пунктах польско-белорусско-литовского языкового пограничья (с доминирующим русским языком в роли официального и *lingua franca*) на территории современных Литвы и отчасти Латвии, с одной стороны, и Беларуси и Польши (Привислинского края) – с другой¹.

---

¹ В докладе на XV Международном съезде славистов в Минске в 2013 г. известная польская исследовательница этого региона З. Саваневска-Мохова констатировала: „Polszczyzna mieszkańców dawnych Kresów Północnych (obecnie terytorium w granicach Litwy, Łotwy i Białorusi) była już wielokrotnie z powodzeniem przez slawistów opisywana z perspektywy historycznojęzykowej, dialektologicznej i socjolingwistycznej” (Sawaniewska-Mochowa 2012: 143). Из неисчерпаемой литературы вопроса упомяну фундаментальный труд (Turska 1982), описания (Kurkowa 1993; Karaś, Rutkowska, Geben, Ušinskiene 2001), работы (Rieger 1995; Sawaniewska-Mochowa 2003; Прохорова 2003; Ananiewa 2006) и сборник (Studia Kresowe 2010).

В тексте мемуаров, во-первых, очерчено своеобразное в «бытовом» и в языковом отношении локальное пространство – или «гетеротопия» – названного пограничья более чем вековой давности; во-вторых, при чтении этих записок приходится принимать во внимание весьма существенную дистанцию, которая отделяла автора от изображаемого: временную (возрастную), географическую и историко-культурную (воспоминания о детстве и юности писал пожилой человек, обретавшийся в Москве, в условиях советской действительности). Иными словами, перед нами одновременно гетеротопия «детства не здесь», явленная сквозь призму прожитых долгих лет взрослой жизни. В том, как любовно и тщательно, хотя, возможно, не всегда с полной достоверностью, выписываются автором картины его прошлого «где-то там», ощущается желание дистанцироваться от наступившего настоящего, известный эскапизм, который, правда, лишен какого-либо политического оттенка, но в то же время крайне далек от самоидентификации с окружающим «здесь и сейчас». Самоидентификации, которая, например, присуща (или стала присуща в результате редактирования при подготовке к изданию) во многом очень похожей на записки моего деда трилогии А. Я. Бруштейн *Дорога уходит в даль* (1956–1958)², в силу поразительного совпадения появившейся приблизительно в те же годы.

Воспоминания деда, написанные, как и произведение Бруштейн, в целом по-русски и озаглавленные *Минувшие дни*, занимают шесть «общих» тетрадей (всего около 1200 страниц убористого текста от руки), именуемых «книгами», которые разбиты на «циклы». Сокращенное оглавление позволит нагляднее представить их «хронотоп» и тематический диапазон:

Книга I-ая. Детские годы. *Цикл I. Двинск*. В родном гнезде. Няня Тазя и ее напевы. Наша гостиная. <...> Проезд царя и обыск в нашей квартире. <...> Попытки матери привить мне свои религиозные убеждения. Кое-какие сведения из биографии матери и отца. *Цикл II. Ружаны–Гжибы*. Дедушка Винценты и его семья. Сборы в поездку в имение. <...> Встреча с сестренкой Хэльцей. Мои ружанские приятели. <...> Смерть и похороны тети Лины. Отъезд в Двинск на новое место жительства. *Цикл III. Вилейка. Люлин. Гродно*. На новом месте. Рецидив моей болезни. На лето в Люлин. <...> Поездка

² Впрочем, записки деда далеки и от идеализации порядков в царской России. Напротив, они насквозь проникнуты критическим отношением к властям, распространенным в среде интеллигенции того времени, сочувствием к социалистам, ссыльным, а также антиклерикальными настроениями – все это как раз объединяет его воспоминания с книгой Бруштейн, где, однако, социальные мотивы более очевидны. Нечасты у него «пророческие» вкрапления, наподобие слов, приписываемых его деду: «От, хлопче <...> Российская империя, этот колосс на глиняных ногах и с идиотской двуглаво-орлиной башкой, недолго будет угнетать подвластные ему народы. Шквал революции опрокинет его, и рассыпется он на составные части. Отпадут от него свободными и Польша, и Литва, и Украина, и Финляндия, и Татария, и Сибирь, и много других народов. Быть может, они потом и объединятся и создадут социалистические соединенные штаты, кто знает? Я-то уже не доживу до тех счастливых времен, а вы – молодые, если уберезжете себя, доживете...» (писано в 1953 г.!). Но и эти пассажи резко контрастируют с такими комментариями Бруштейн, как одна из заключительных фраз в главе «Безрукий художник»: «Если бы он жил теперь, в наше время, в Советской стране, его мужеству, его сильной и умной воле нашлось бы лучшее применение» (Бруштейн 1957: 197).

на плоту по реке Жеймяне. Переезд в Гродно. <...> *Цикл IV. Гродно. Июль. Другеники.* <...> Обострение моей болезни. Пасхальные дни. <...> Известие о смерти деда. Летом на даче в Другениках. Рождение брата Вики. <...>

Книга II-ая. Отроческие годы. *Цикл V. Белосток (август – декабрь 1894).* Переезд в Белосток и первые впечатления. На временной квартире в фабричном поселке. Озорства поселковых ребят. Переезд на казенную квартиру. <...> Мои первые «взрослые» сапоги и костюм. <...> Мой первый учитель. *Цикл VI. Белосток. Лынтупы (декабрь 1894 – август 1895).* Грустное Рождество. На елке у паньства Лянкау. <...> Первая исповедь и бежмоване. <...> По пути в Лынтупы. У тети «Авантюры». *Цикл VII. Белосток (август 1895).* Мой с отцом визит к директору реального училища. «Фаш сын лешить надо, а не ушить». <...>

Книга III-ая. Школьные годы (младшие классы). *Цикл VIII. Белосток (август 1895 – май 1896).* Поступление мое в школу Мороза. <...> Наши дискуссии в связи со смертью Александра III-го и воцарением Николая II-го. <...> Конец учебного года. *Цикл IX. Садкуны – Белосток (июнь – август 1896).* Садкуны и их обитатели. Первая моя стычка с панной Эвуней. <...> Известие о рождении сестренки Липочки. <...> Мои вступительные экзамены в реалку. <...> Я – ученик 2-го класса реалки. Первые впечатления. *Цикл X. Белосток (сентябрь 1896 – май 1897).* Возвращение родных из Лынтуп. «Уж небо осенью дышало». <...> Роковые телеграммы. <...> «Воскресь Христось? Нѣтъ, не воскресь!» <...>

Книга IV-ая. Школьные годы (средние классы). *Цикл XI. Вильно – Садкуны – Белосток (июнь 1897 – апрель 1898).* В гостях у виленских родных. Знатный дядин подарок. С Рексом в Садкунах. В Белостоке после каникул. <...> Резкая позиция отца против покупки Борейшами имения. <...> Остаюсь по болезни на второй год в 3-м классе. *Цикл XII. Радзишевка – Белосток (апрель 1898 – июнь 1899).* По пути в Радзишевку. Первые впечатления в именьице. <...> На реке Свентэй. Отъезд в Белосток. Белостокские новости. *Цикл XIII. Радзишевка – Белосток (июнь 1899 – июнь 1900).* Кое-какие новости в Радзишевке. Занятные работы с дядиной библиотекой. <...> В 4-м классе реалки. Мои дебюты в роли репетитора. Близкое знакомство с Калецким. <...> Арест Калецкого. <...> Приезд царя в Белосток.

Книга V-ая. Школьные годы (старшие классы: 5-й). *Цикл XIV. Радзишевка – Белосток (июнь 1900 – июнь 1901).* Быстролетное лето. Белостокские новости сезона. <...> Награда папе за 25-летнюю службу. Похождения с пасхальными визитами. <...> Пара дней на курорте в Цехоцинке. *Цикл XV. Радзишевка – Белосток (июнь 1901 – июнь 1902).* Комбинация учения с чтением. Возвращение из ссылки дяди Тоси с семьей. Неожиданная гостя. Пребывание мамы в Радзишевке и мой отъезд с нею в Белосток. Обострение болезни, кончина и похороны матери. <...> Посещение реалки министром народного просвещения. Скандальное знакомство с новым директором реалки.

Книга VI-ая. Школьные годы (старшие классы: 6-й). *Цикл XVI. Радзишевка (июнь – август 1902).* Беседа с Анджеем по пути в Радзишевку. Первая встреча с Сысоем. <...> Приезд виленских гостей. Американские нравы новоявленного дядьки Юзика. Подготовка к поездке на плоту по реке Свентэй. Резкий разрыв отношений между дядей Болей и Сысоем. Поджог дома усадьбы. <...> *Цикл XVII. Белосток – Вришава – Вильно (август 1902 – июнь 1903).* Домашние перспективы в связи с

предстоящим отъездом Хэльци на курсы. <...> Головнойкой, данная отцом племяннику Стаху. Новый наш преподаватель немец Шарфе. <...> Приглашение репетитором к сыну Шарфе. <...> Поездки в Варшаву и в Вильно.

Как нетрудно видеть, речь идет о семейных воспоминаниях, в которые лишь изредка вторгаются отголоски общественно-политической жизни и «идейных веяний» эпохи. Вместе с тем уже в оглавлении хорошо заметны полонизмы, характеризовавшие тогда русскую речь жителей данного региона (полонизированные топонимы, польские личные имена, апеллятивы *паньство*, *бежмоване*, словоформа *Свентэй* с польским падежным окончанием). Как здесь, так и в основном тексте записок многочисленные польскоязычные фрагменты (вплоть до целых диалогов и монологов) обыкновенно передаются средствами русской графики. Такая транслитерация, однако, позволяет явственнее наблюдать в этих фрагментах типичные черты периферийного польского диалекта, известного под названием *polszczyzna kresowa*. Это свистящие аффрикаты на месте прежних мягких /t/, /d/ и сохранение мягких /s'/, /z'/ без их перехода в шипящие (*дзядуць, цёця, пощель, земля* и т. п.), деназализация носовых гласных в конце слова (для переднего носового, впрочем, непоследовательная: *там заарештовали и высылаё ей брата, но мне се здае, же я венцей нигды не зобаче живон свою найдрожиху цёцю Лину*) и др.

Лингвистическую ситуацию в своей семье автор мемуаров характеризует так: «Язык мой в раннем детстве представлял странную смесь польского с русским, отчасти с белорусским. Мать вела со мной беседы на польском языке, изредка на русском; отец обращался ко мне на смешанном польско-русском жаргоне, вроде: “Ну-с, пане философ, як се маш? Все в порядке?..”³. Этот своеобразный семейный билингвизм, следует полагать, отражал два разных типа функционирования польского языка и два типа коммуникации на территории «кресов».

Мать поддерживала в семье тот тип коммуникации, который она усвоила в детстве, живя в родительском имении («посядлосци»), где она проводила с сыном летние месяцы. Вот как описывается это имение в мемуарах (полонизмы подчеркнуты):

– Мама! няня! вижу, Ружаны!

На далеком плато виднеется уже яркая панорама дедушкиной усадьбы. Обшариваю глазами все ее знакомые участки. Направо, за молодым, бело-розово цветущим садом, через дорогу виднеется пруд, окаймленный ивами; на одной из ив – раскидистое гнездо боцяна, а там – плотина и мельница с гигантским колесом. Близ мельницы гумно, молотилка под навесом. Вдали, близ другого конца пруда, мостик через речку Ружанку, протекающую по лужку позади старого сада и пчельника и окаймляющего слева усадебные строения, огороды, парники. Знаю, там, на этой речке в конце старого сада, – мостик на

³ Там же сообщается: «Няня пересыпала русскую речь белорусскими словечками и оборотами». Ср. почти дословное совпадение с речевой характеристикой няни Юзефы в книге Бруштейн: «Юзефа сидит на кухне, чистит кастрюлю и ворчит на той смеси русского языка с белорусским и польским, на какой говорит большинство населения нашего края: – Другий доктор за такую працу (работу) в золотых подштанниках ходил бы!» (Бруштейн 1957: 6).

двух валунах, далее, через лужок, на холме наш заветный лесок-борек: грибов там, ягод – видимо-невидимо! А вот и обширный дзедзинец (палисадник), вокруг обсаженный вишнями, черешнями, черемухой, кустами роз, сиреней, жасмина, акаций, бульдэнэжей, каприфолей и др. В центре дзедзиньца – бассейн с фонтаном. Налево, с одной стороны вклинившись в старый сад, а фасадом глядя на дзедзинец, – большой господский дом с высоким крыльцом и застекленной цветными стеклами верандой, увитой виноградом. На крыше дома – застекленная вышка-лятарня (фонарь) с вертящимся флюгером; там, внутри, – разные занятные приборы: барометры, термометры, дождемеры, но самое интересное – астрономическая труба! Дедушка иногда ясными вечерами зовет нас поглядеть в трубу на луну, звезды, а во время грозы на вспышки молний. В конце дзедзиньца, напротив въездных ворот, – конюшня и сеновал; налево от конюшни – высокая, в три этажа, круглая башня-вэндлярня (коптильня); там коптят окорока, колбасы, гусятину, рыбу, а внизу – печь для сушки ягод, фруктов, грибов...

По многим признакам приведенное описание обнаруживает сходство либо даже совпадение с «мнемоническим образом» дома (*dom zapamiętany*) как ценностной константы, который воссоздает на материале польскоязычных воспоминаний жителей давних северных «кресов» З. Саваневска-Мохова:

Nawet najskromniejszy dworek określa się w tekstach mówionych z Kowieńszczyzny pozytywnie wartościującym mianem: (pięknej) *siadzi'iby* <...>, (takiej prawdziwej wiejskiej) *pusiadłości* <...> i postrzega dom szlachecko/ziemiański zawsze w harmonii z otoczeniem (przestrzeń oswojona), podwórzem, parkiem, ogrodem, sadem. Utożsamia się więc z jednej strony dwór z budynkiem mieszkalnym (*dom-dwór*), a z drugiej – kontynuowane jest tu dawne rozumienie dwora wiejskiego jako rozległej przestrzeni, złożonej z domu mieszkalnego, parku, ogrodu, podwórza (dziedzińca), oficyny i zabudowań gospodarczych <...> (Sawaniewska-Mochowa 2012: 146).

В дополнение к этому следует указать лишь на значимость в русскоязычном контексте мемуаров моего деда польских названий отдельных элементов создаваемого образа: *посядлосць, дзедзинец, лятарня, вэндлярня, борек, боцяи...*

Судя по тому, как изображены будни не только этой «посядлосци», но и соседних, в сельской части рассматриваемого ареала польский язык в его местном варианте служил основным и полноправным средством коммуникации как среди владельцев таких имений, так и среди прислуги, набиравшейся из окрестных деревень, и, по-видимому, среди самих деревенских жителей. Характерно, что в тексте мемуаров именно на страницах, посвященных сельской жизни, сосредоточено большинство польскоязычных высказываний, от реплик в диалоге до пространных монологов. Ср. рассказ кучера Анджея:

<...> с весны к дяде Боле примазался некий подозрительный тип, темная личность, какой-то, по выражению Анджея, «старовярек-кацап» Сысой. – То тэн Сысойка, як злы дух, крэнци-мэнци тым панэм Борейшо, завраца му контрафалды, хыба то тэн дьябэл, кому спшедал душе пан Твардоски. И мало кто го выноси: и стара пани Борейшина то го до покоюв не впусци, и стары пан Борейшо, цо го зове шарлатанэм зпод цемнэй гвядзы, и Вэроника, цо му глувнэ з пеца грози, гдыбы он одважыл се на кухню свуй пыск

показаць, и навэт Кацусь и тэн ежи се и рычи, як го тылько здаля зобачи: о-о, стары песэж злодзея внэт учу! От тылько пани Матыльда то ласкаве з ним пшемавя, но то она пшеце на вшистка патши очима свэго малжонка. А тэн о тым кацапским пройдохе выпяда: «О-о! то ж ума палата, то садовудца-практык, яких в бялы-ясны дзень з огнем пошукаць! То ж мы с ним такие плантации в Радзিশевсе заплянуем, же пшез паре лят то и виногроны у нас загронуё, и апельцыны, и цитрины, и персики, и ананасы, и фиги, и финики, и якесь там фисташки, и бананы, и кокосы, и чорт ве цо еще, чего хыба и в ботаничнэм садзе в Вильне не знайдзешь!»

Аналогичные высказывания, произносимые даже потенциальными носителями того же типа коммуникации в городской обстановке, приводятся в мемуарах чаще по-русски⁴. С этой точки зрения интересно сравнить: а) диалог дедова отца с его невесткой о покупке имения Раздзешевка, упомянутого в предыдущем отрывке, и б) его же монолог дома перед (польскоязычной!) женой о жалкой награде, полученной им за 25 лет службы:

а) – Цуж, ясновельможна пани Борейшо, венц купуемы старе двожаньске гняздо, модэрнизуем го на новы лад и бэнздемь жиць да поживаць, да добра наживаць? Стары Борейшо на Виленьщизне прогорел в свое время на двух маёнтках – и на Ружанах, и на Люлине; хыба для млодэго Борейши ковеньска земля выда се пухэм, цо? Цуж, як то бялоруська поговорка пывяда: дай, боже, нашему ягняци волка прогнаци.

Выслушав такую тираду, тетя Мафа готова была вспыхнуть, но тут же, овладев собою, в тон отцу ответила:

– Хотя ж я, як и ты, вацпане, в бога не верую, леч на твуй выпад взглэндэм Борейшув зушона естэм отповедзець таким пшисловем: бог видит, кто кого обидит.

б) Видзишь ты, Чапову да господам инженерам – хапачам, хабарникам, взяточникам, грабителям – за «достойную» встречу и проводы зэшлым лятэм царя-батюшки то и ордена, и кресты, и звезды на грудь да на шею, вместо свинцовой пули да намыленной висельной веревки, их то на пьедестал, а не на шубенице, як они того заслуживают! <...> А нам, честным труженикам, то на тебе боже, цо нам не гоже, – бляшку, побрякушку, ктуро хыба твэму Рексу под огонь навесиць. И цо еще возмутительно – за тэн сребрны паршивы сувэнир то ты изволь, вынь да положь, пенць рубли с твэго кешеня заплациць. Да-да, ха-ха-ха, пенць рубли, то не домьслили се месячный оклад жалованья с тебя, раба божья и царского, слупить!

Последний отрывок демонстрирует другой тип коммуникации на территории «кресов», сложившийся в городской среде (чиновничьей, ремесленной, рабочей и т. д.) в условиях постоянного взаимодействия польского языка с русским. Для этого типа коммуникации был характерен макаронический стиль высказываний, в которые из польского языка входили:

- 1) конкретные лексемы, особенно относящиеся к местным реалиям, и более-менее устойчивые фразеологические единицы; те и другие – по сути цитатного характера;

⁴ Подобные случаи иногда особо оговариваются: «Сказано это было, конечно, по-польски, я даю буквальный перевод».

- 2) конкретные словоформы как относительно свободные распространители предложения или как составляющие синтаксических конструкций;
- 3) отдельные синтаксические конструкции (реже).

Вот еще некоторые образцы таких высказываний из речи отца моего деда (полонизмы разных условно выделенных выше групп обозначены соответствующими номерами): Ниц страшнэго¹⁾, муй хлопче¹⁻²⁾, спи спокойно; Паль их дьябли¹⁾! Делать им нечего...; От²⁾, реши депей²⁾ задачку...; Вот над этим вопросом хлопцу¹⁾ варто помыслиць³⁾; Маш тебе³⁾ гosciнъца! и т. п.

В макароническом стиле, собственно, выдержаны и сами записки деда, который являлся носителем обоих типов коммуникации (с использованием преимущественно польского языка и смешанного) и при необходимости реализовывал первый, но в дальнейшем сохранил лишь второй. Довольно высокая, по моей оценке, достоверность картины функционирования польского языка в его мемуарах во многом обусловлена как раз цитатным характером соответствующих фрагментов текста, в которых как бы законсервировалось конкретно-ситуативное детское восприятие отдельных слов и выражений. Парадоксальным образом это подтверждает их зачастую неадекватный перевод. Так, *дзедзинец*, конечно, значит не *палисадник* (а 'двор'), но примерно это называли данным словом в дедовском имении; *авантура!* в междоветном употреблении – это не *авантюра*, а 'скандал', но созвучное русское слово было для автора предпочтительнее, ибо вызывало у него ассоциации с тетушкой, постоянно вставлявшей в свою польскую речь это слово-паразит и получившей за это прозвище «тетка Авантура». Ср.:

Пока мы, «дэликатнэ панство», выгружались, обнимались, целовались с милой тетей Авантурой, та без умолку тараторила о том, что она «за тэн ддуги, як ензык плёткарки (длинный, как язык сплетницы), квадранс часу» пережила 1001 муку Тантала <...> Но самым благодарным субъектом, на которого обрушились восторженные словоизлияния тети Авантуры, оказался наш Вика <...>

– Ах, Матка Боска Остробрамска, под твоё обронэ! Алеж цуж то за цуд пенкноски (чудо красоты), тэн Винцусь! То хыба ж з вэрсальских дворцув, чили з салэнув ватыканьских он до вас на скжидлах амура злэцял, авантура!

Разумеется, польско-русская интерференция давала о себе знать и в рамках первого – преимущественно польскоязычного – типа коммуникации. В этом случае, однако, цитатный, «фразораспространяющий», а то и «фразоорганизующий» характер в высказывании имели, напротив, русизмы. Ср. примеры (прямые заимствования из русского языка и кальки подчеркнуты): Здесь, дзядуня поведзьял, мамуся бэндзе спаць на посцели цёци Лины, а ты на кушетце в столовэй, а Тазя в крэдэнсе с панно Ядвиги, ктура натыхмяст в Вильне; Эх, нема фузии (ружья), а то бы полецял тэн птак на дуршыяк (противень), то як пиць даць; Пан Буг дал, пан Буг и взял, и т. п.

Незначительной была в окружавшей деда языковой среде доля литовского элемента, как это демонстрирует следующий пассаж:

В заключение <вечера> заставили Валерку, Броню и Кароля <прислуга. – С. С.> спеть несколько мелодичных литовских песен, которые прослушали с интересом, хотя слов, кроме бабушки и мамы, никто и не понимал; Хэлья <сестра автора, постоянно жившая в имении. – С. С.> еще многие слова знала, а я ничего: очень уж чудной язык литовский, ни на какие знакомые мне языки не похож. Мама много раз летом пыталась научить меня произношению некоторых литовских слов, но безрезультатно.

Из литовского языка в мемуарах представлены лишь некоторые лексемы: с одной стороны, книжные («Кое-где на холмах над оврагами – великолепные рощи с вековыми дубами. Мама рассказывала, что в старину в них горели неугасимые огни в честь языческого главного бога литовцев – *Перкунаса* – и раздавались песнопения жрецов-*вайделётов*»), с другой – обиходные: «*шивильтики* (*švilpikai* – картофельные пышки) в сале» или «сливки с превкусным литовским хлебцем-*рогойшем*» (*ragaišis* – домашний ячменный или пшеничный хлеб, булка).

Основные выводы:

- 1) Мемуары моего деда В. Л. Скорвида можно рассматривать как попытку воссоздать «гетеротопию» историко-культурного и (этно)языкового пограничья вековой давности и одновременно как «гетеротопию детства не здесь».
- 2) Краеугольным камнем этой гетеротопии предстает в мемуарах *polszczyzna kresowa*, причем ее функционирование имело два типа: условно «сельский» и «городской».
- 3) Доля белорусского и литовского языковых элементов в данных воспоминаниях незначительна, однако литовский «историко-культурный фон» присутствует в тексте сквозным контрапунктом.

ЛИТЕРАТУРА

- БРУШТЕЙН, А., 1957. *Дорога уходит в даль*. Москва: Детгиз.
- ПРОХОРОВА, С., 2003. Фрагменты концептуальной картины мира польской шляхты, проживающей на Гродненщине. In: WROCLAWSKA, E., ZIENIUKOWA, J. *Języki mniejszości i języki regionalne*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy (Język na Pograniczach; 24), 258–274.
- ANANIEWA, N., 2006. Zróżnicowanie pokoleniowe polskich gwar kresowych (wybrane zagadnienia). *Gwary dziś*, 3: *Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 96–97.
- KARAŚ, H., RUTKOWSKA, K., GEBEN, K., UŠINSKIENĖ, V., 2001. *Język polski na Kowieszczyźnie*. Warszawa: Elipsa.
- KURZOWA, Z., 1993. *Język polski Wilenszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w.* Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- RIEGER, J., 1995. W sprawie genezy i ewolucji polszczyzny w Wielkim Księstwie Litewskim. *Studia nad polszczyzną kresową*, 8. Red. J. Rieger. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe „Semper”, 31–38.
- SAWANIEWSKA-MOCHOWA, Z., 2003. Socjolekt drobnej szlachty na Litwie (próba ogólniejszej charakterystyki). In: WROCLAWSKA, E., ZIENIUKOWA, J. *Języki mniejszości i języki regionalne*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy (Język na Pograniczach; 24), 275–285.

- SAWANIEWSKA-MOCHOWA, Z., 2012. Językowo-kulturowy obraz domu szlachecko-ziemiańskiego w polszczyźnie północnokresowej. *Z Polskich Studiów Slawistycznych*. Seria 12: *Językoznawstwo*. Warszawa, 143–149.
- STUDIA KRESOWE, 2010. *Studia kresowe. Język. Literatura. Historia*. Red. nauk. K. Węgorowska. T. 1. Zielona Góra; Warszawa: Księgarnia Akademicka.
- TURSKA, H., 1982. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. *Studia nad polszczyzną kresową*, 1. Red. J. Rieger, W. Werenicz. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 19–121.